

**Фаулер Томас**

**Прогрессивная нравственность**  
**Опыт этики Томаса Фаулера**

**Москва**  
**«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84-4  
Т56

Т56      **Томас Ф.**  
Прогрессивная нравственность: Опыт этики Томаса Фаулера / Фаулер Томас – М.: Книга по Требованию, 2023. – 85 с.  
**ISBN 978-5-519-78704-8**

**ISBN 978-5-519-78704-8**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2023  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



общественными интересами или чувствами нравственности. Должно помнить, что мы «люди» раньше чѣмъ «gentlemen'ы», и что правила сословія, учрежденія или класса не могутъ замѣнить или вытѣснить права человѣчности и гражданственности. Итакъ, мы видимъ, что, при настоящемъ положеніи нашего предмета, для соціальной санкціи нужна рука моралиста - исправителя, независимо отъ того, происходитъ ли она отъ средняго состоянія нравственнаго чувства или отъ обычаевъ и мнѣній отдѣльныхъ агрегатовъ общества. Чувство это, можетъ быть выраженіемъ человѣка средняго нравственнаго состоянія или даже человѣка ниже средняго, нужно испытать, примѣняя его къ правиламъ, выводимымъ изъ идеальныхъ требованій чувства и разума. Правда, соціальный идеаль можетъ быть исправленъ не однимъ только нравственнымъ. Той же цѣли можно достигнуть путемъ легальнаго идеала. Въ виду того, что законы отдѣльной страны выражаютъ чувства мудрѣйшаго и опытнѣйшаго изъ гражданъ, то вполне естественно, чтобы они опередили среднее нравственное чувство народа, равно какъ и общественныя традиции отдѣльныхъ сословія и классовъ. Дѣйствительно, сравнимъ законы и народныя или профессиональныя чувства по отношенію къ подкупамъ при выборахъ къ контрабандѣ, къ уклоненію отъ уплаты податей, долговъ, къ банкротству, къ дуэли, къ кулачному бою или, наконецъ, къ страсти къ играмъ. Должно также согласиться, что законы теченіемъ времени, старѣются, и направленіе законовѣдовъ принимаетъ консервативный характеръ, что влечетъ за собой превосходство средняго нравственнаго чувства надъ закономъ. Итакъ, соціальная санкція примѣняется для исправленія легальной санкціи.

Отличная отъ всѣхъ перечисленныхъ нами санкцій — санкція, происходящая изъ нашихъ размысленій надъ собственными же поступками и изъ ихъ одобренія или неодобренія послѣ такихъ размысленій. Здѣсь мы видимъ такіе поступки, которые приносятъ удовлетвореніе или вызываютъ сожалѣніе. Стало быть, эти чувства составляютъ такъ-наз. нравственную санкцію, въ узкомъ значеніи этого слова.

Ея отличіе отъ всѣхъ прочихъ санкцій поведенія заключается въ томъ, что она относится пассивно къ физическому удовольствію или страданію, не ожидаетъ награды, не боится наказанія, не дорожитъ чужимъ мнѣніемъ, но останавливается на внутреннемъ чувствѣ удовлетворенія или неудовлетворенія, съ которыми мы, послѣ ряда размысленій, оглядываемся на наши поступки.

Доводъ въ пользу необходимости науки о нравственности: ни одна религія, даже христіанская, не касается своими заповѣдями всей области нравственнаго поведенія; слѣдовательно, для тѣхъ частей поведенія, которыя не усмотрѣны религіей, нужно самостоятельное изслѣдованіе.

Съ другой стороны, нельзя сомнѣваться въ томъ, что нравственность получаетъ со стороны религіи сильное подкрѣпленіе и побужденіе, равно какъ нѣкоторую неприкосновенность.

## ГЛАВА II.

### Нравственная санкція или нравственное чувство Ея дѣятельность и оправданія первенства.

Теперь я подробно разсмотрю опредѣленную дѣятельность нравственного чувства или нравственной санкціи, и оправданіе приписываемаго ей важнаго значенія или, иначе говоря, почему она должна стоять выше всѣхъ прочихъ санкцій поведенія.

Мы уже видѣли, что нравственное чувство или санкція есть чувство удовлетворенія или неудовлетворенія, возникающее въ насъ при размышленіи надъ собственными поступками, и относящееся пассивно къ чужому авторитету или чужому мнѣнію. Теперь возникаетъ вопросъ сохраняется ли это чувство однимъ и тѣмъ-же при однихъ и тѣхъ-же поступкахъ, т. е., могутъ ли поступки, вызвавшіе разъ удовлетвореніе, вызвать въ другой разъ равнодушіе или совершенное неудовлетвореніе.

Кажется, что человѣкъ, занимающійся предметомъ нравственности и обогащенный наблюденіями и опытомъ, даетъ на этотъ вопросъ единственный отвѣтъ:

Чувство самоодобренія или самонеодобренія, выражающее нравственную санкцію, отнюдь не остается неизмѣннымъ при однихъ и тѣхъ же поступкахъ даже одной и той же личности, а тѣмъ болѣе, при поступкахъ разныхъ индивидуумовъ; далѣе, нужно принять во вниманіе, что условія жизни и воспитаніе человѣка вліяютъ на поступки, вызывающіе нравственную санкцію. Отсюда слѣдуетъ, что нравственная санкція, хотя она и совмѣщается въ чувствѣ самоодобренія или самонеодобренія, удовлетворенія или неудовлетворенія собственными поступками — не однообразна или постоянна, напротивъ — различна, и не только у разныхъ индивидуумовъ, но даже у одной и той же личности въ различные промежутки времени; она мѣняется съ измѣненіемъ условій воспитанія, темперамента, національности и вообще съ измѣненіемъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій жизни; она, наконецъ, постоянно улучшается и исправляется.

Пожалуй, спросятъ: чѣмъ же мы руководствуемся, стоя за примѣненіе этой санкціи, и почему мы смотримъ на нее, не только какъ на законную санкцію поведенія, но и какъ на самую вѣскую изъ всѣхъ санкцій, а въ случаѣ противорѣчія, какъ на высшую и послѣднюю?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ такой: если мы поступокъ находимъ несправедливымъ, то какія-бы тамъ ни были внѣшнія соображенія, они не могутъ вознаградить насъ за поступокъ, не согласующійся съ нашими убѣжденіями; правильно ли наше мнѣніе или нѣтъ — это другой вопросъ.

Человѣческая натура въ ея нормальномъ состояніи такъ устроена, что угрызение совѣсти при сознаніи несправедливо совершеннаго поступка, превосходитъ то удовольствіе, которое мы могли получить отъ него; а удовлетвореніе, при сознаніи справедливо совершеннаго поступка, болѣе чѣмъ вознаграждаетъ насъ за то страданіе, съ которымъ могъ быть связанъ этотъ поступокъ. «Mens sibi conscia recti» — высшая награда для человѣка; сознаніе же подлости, несправедливости и жестокости совершеннаго поступка — самое тяжкое мученіе для человѣка, у котораго нравственное чувство не заглохло.

Характернымъ для удовольствія и страданія, возникающихъ послѣ размышленій о совершенномъ поступкѣ, — будетъ не только то, что они по существу интенсивнѣе нѣкоторыхъ другихъ удовольствій и страданій, но и то, что, сталкиваясь съ нравственной и какой-либо другой санкціей, они соединяются исключительно съ нравственной санкціей.

Вотъ почему человѣкъ, ежели физически страдаетъ или презираетъ наказаніе закона

и порицаніе общества, оглядывается на свои поступки съ чувствомъ удовлетворенія (конечно, въ томъ случаѣ, когда онъ держится того направленія поведенія, которое онъ считаетъ правильнымъ); и чѣмъ эти поступки значительнѣе, чѣмъ его понятія о справедливости, яснѣе, чѣмъ соблазнъ иначе поступить сильнѣе, тѣмъ чувство удовлетворенія будетъ интенсивнѣе. Но, ежели человѣкъ принесъ въ жертву свои понятія о нравственномъ долгѣ, чтобы избѣгнуть физическаго страданія или уйти отъ наказанія закона, или, наконецъ, снискать благосклонность общества, — чувства удовлетворенія уже нѣтъ. Здѣсь будетъ скорѣе чувство неудовлетворенія, которое, сообразно съ обстоятельствами, можетъ перейти къ угрызенію совѣсти. Итакъ, оправданіе первенства, на которое претендуетъ нравственная санкція, сводится, по моему, къ двумъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, къ тому, что удовольствіе и страданіе, чувство удовлетворенія и неудовлетворенія, самоодобренія и самонеодобренія, при помощи которыхъ она дѣйствуетъ при здоровомъ умѣ — гораздо интенсивнѣе и дольше, чѣмъ прочія удовольствія и страданія; во-вторыхъ, къ тому, что, при столкновеніи ея съ другими санкціями, она, въ случаѣ пораженія, возбуждаетъ сожалѣніе или угрызеніе совѣсти, — въ случаѣ побѣды приноситъ удовольствіе и удовлетвореніе. Мы приходимъ, стало быть, къ тому заключенію, что нравственная санкція есть лучшее руководство въ понятіяхъ о поведеніи, и что мы должны видѣть въ ней высшую инстанцію судящую поступокъ; прочія санкціи цѣнны поскольку онѣ усиливаютъ нравственную санкцію или исправляютъ ея уклоненія.

Всякій человѣкъ долженъ, наконецъ, быть судьей собственнаго поведенія и испытывать чувство удовлетворенія или угрызенія совѣсти, смотря по тому, поступаетъ ли онъ соотвѣтственно своимъ лучшимъ понятіямъ или нѣтъ.

## ГЛАВА III.

### Анализъ и возникновеніе нравственнаго чувства. Его воспитаніе и усовершенствованіе

Прежде чѣмъ перейти къ нашему третьему вопросу, какимъ образомъ возникло нравственное чувство, представляющее собою источникъ моральной санкціи, и какъ его можно подвергнуть дальнѣйшему воспитанію и улучшенію, желательно точно разграничить интеллектуальный и эмоціональный элементы въ актѣ одобренія или неодобренія. Мы иногда говоримъ о нравственномъ сужденіи, иногда о нравственномъ чувствѣ. Эти выраженія слѣдуетъ разсматривать не какъ символы двухъ противоположныхъ теорій относительно сущности акта нравственнаго одобренія, что неоднократно имѣло мѣсто, но какъ обозначеніе двухъ различныхъ сторонъ одного и того же процесса, или, чтобы то же положеніе выразить нѣсколько иначе, — какъ различные элементы анализа. Юмъ, трактатъ котораго по этому вопросу особенно ясенъ по сравненіи съ твореніями большинства писавшихъ объ этикѣ, разсматривая доводы, приведенные этими авторами по вопросу о томъ, зависитъ ли актъ одобренія отъ акта сужденія или чувства, прибавляетъ: «Эти доводы съ обѣихъ сторонъ (ихъ можно было бы привести гораздо больше) настолько сильны, что я склоненъ считать эти и другіе одинаково основательными и удовлетворительными, и думать, что разсудокъ и чувство дѣйствуютъ одновременно, но что во всѣхъ нравственныхъ опредѣленіяхъ и заключеніяхъ окончательное сужденіе объявляетъ характеръ или поступки привлекательными, или ненавистными, заслуживающими похвалу или порицаніе; оно именно и кладетъ на нихъ печать чести или позора, одобренія или осужденія; оно делаетъ нравственность активнымъ принципомъ и провозглашаетъ добродѣтель нашимъ благомъ, а порокъ — несчастіемъ. Я утверждаю, что эта окончательная оцѣнка зависитъ отъ какого-то внутренняго чувства или ощущенія, которое природа сдѣлала универсальнымъ для всего нашего рода. На что же еще могла бы произвести свое вліяніе эта природа? Но для того, чтобы очистить путь для этого чувства и дать подходящую способность судить объ этомъ предметѣ, мы считаемъ часто необходимымъ, чтобы этому предшествовало продолжительное обсужденіе, чтобы были сдѣланы точныя опредѣленія, чтобы были выведены правильныя заключенія, — приведены подходящія сравненія, изслѣдованы сложныя отношенія и установлены и удостовѣрены основныя факты. Нѣкоторые виды красоты, особенно природной, при первомъ взглядѣ вызываютъ нашу симпатію и одобреніе, а гдѣ они не производятъ этого дѣйствія, тамъ никакому мышленію невозможно возстановить ихъ вліяніе и сдѣлать ихъ болѣе привлекательными для нашего вкуса или чувства. Но въ нѣкоторыхъ видахъ красоты, особенно въ красотѣ изящныхъ искусствъ, приходится прибѣгать къ продолжительному мышленію для того, чтобы испытать собственное ощущеніе, и ложный вкусъ нерѣдко можетъ быть исправленъ доводами и размышленіями. Это достаточно основательныя мотивы въ пользу того, что нравственная красота имѣетъ много общаго съ красотой только что упомянутаго вида и требуетъ содѣйствія нашихъ интеллектуальныхъ способностей для того, чтобы обнаружить должное вліяніе на нашъ духъ».

Этотъ отрывокъ я счелъ достойнымъ того, чтобы онъ былъ приведенъ полностью, потому что онъ съ достаточною ясностью указываетъ относительную роль разума и чувства при этической оцѣнкѣ поступка. Разсматриваемъ ли мы наши собственные поступки, или поступки другихъ, мы прежде всего относимъ ихъ къ какому-нибудь разряду, или

сопоставляемъ съ извѣстными поступками подобнаго же рода, которые намъ хорошо знакомы, а затѣмъ, когда ихъ характеръ такимъ образомъ опредѣленъ, они возбуждаютъ соотвѣтственное чувство одобренія или неодобренія, похвалы или порицанія. Такъ, лишь только мы установили, что извѣстное свѣдѣнiе — ложно, или извѣстный поступокъ — неблаговиденъ, мы сразу чувствуемъ негодование или отвращенiе къ лицу, сдѣлавшему это сообщенiе или совершившему этотъ поступокъ. Равнымъ образомъ, если мы признали, что поступокъ честенъ и благовиденъ, мы смотримъ съ уваженiемъ или съ удивленiемъ на человѣка, который его совершилъ. Но, хотя чувство одобренія или неодобренія непосредственно слѣдуетъ за актомъ сужденія, однако распознаванiе истиннаго характера поступка, или отнесенiе его къ извѣстному разряду, чѣмъ этотъ актъ сужденія заключается, можетъ быть и нерѣдко бываетъ процессомъ весьма значительной продолжительности и сложности. Возьмемъ, на примѣръ, случай лжи. Что на самомъ дѣлѣ сказалъ человѣкъ? Въ какомъ смыслѣ онъ употребилъ свои слова? Какъ далеко простирались его свѣдѣнiя въ тотъ моментъ, когда онъ сдѣлалъ это сообщенiе? И каково было его намѣренiе? На эти и другiе вопросы мы должны отвѣтить прежде, чѣмъ будемъ вправѣ обвинять этого человѣка въ томъ, что онъ солгалъ. Если преступленiе не только нравственное, но и юридическое, то актъ опредѣленія характера даннаго поступка часто является результатомъ долгаго разслѣдованія въ продолженiе цѣлыхъ недѣль или мѣсяцевъ. Однако, лишь только интеллектуальный процессъ заканчивается, и поступокъ, по надлежащей оцѣнкѣ, признается за ложь или кражу, или мошенничество, или актомъ жестокости или несправедливости и т. п. — немедленно возбуждается соотвѣтственная нравственная эмоцiя. Интеллектуальный процессъ можетъ быть также чрезвычайно быстрымъ, почти моментальнымъ, и это имѣетъ мѣсто всегда, когда у насъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнiя ни насчетъ сущности поступка ни его мотивовъ или намѣренiя; но въ отличiе отъ нравственной эмоцiи, характеристическая черта этого процесса та что онъ можетъ потребовать извѣстнаго времени, за исключенiемъ совершенно ясныхъ случаевъ, или внезапныхъ происшествiй, требующихъ немедленнаго вмѣшательства.

Теперь мы можемъ видѣть источникъ значительной путаницы въ обыкновенномъ способѣ говорить и писать о нравственной способности, нравственномъ сужденiи, нравственномъ чувствѣ, нравственномъ ощущенiи, совѣсти и т. п. терминахъ. Моментальный и, по-видимому, инстинктивный, властный и безапелляцiонный характеръ акта нравственнаго одобренія или неодобренія относится къ эмоцiональной, а не къ интеллектуальной части процесса. когда поступокъ уже признанъ справедливымъ или несправедливымъ, морально хорошимъ или дурнымъ, или уже былъ отнесенъ къ какому-нибудь хорошо извѣстному классу поступковъ, этическiй характеръ которыхъ уже опредѣленъ, какъ относящихся къ одному или другому изъ этихъ разрядовъ, то эмоцiя одобренія или неодобренія слѣдуетъ какъ вещь сама собой понятная. Здѣсь нѣтъ мѣста ни малѣйшему размышленiю или колебанiю по той простой причинѣ, что это не мыслительный актъ. Поэтому онъ является какъ актъ инстинктивный, и выступаетъ облаченнымъ въ его высшiе атрибуты повелительности, безапелляцiонности и даже непогрѣшимости, которыя вполнѣ естественно приписать такому акту, гдѣ нѣтъ мѣста для мышленія, а потому, по-видимому, нѣтъ мѣста и для заблужденія. И дѣйствительно, чувство нравственнаго одобренія или неодобренія, никогда не можетъ быть названо ошибочнымъ, хотя имъ часто злоупотребляютъ. Ошибка находится въ связи съ предварительнымъ процессомъ мышленія — отношенiя или сопоставленiя, и если они были выведены неправильно, то нѣтъ оправданiя и для чувства, которое слѣдуетъ за ними. Но вмѣсто того,

чтобы искать оправданія чувства въ разсудочномъ процессѣ, который ему предшествовалъ, мы часто оправдываемъ наше разсужденіе нашимъ чувствомъ и, такимъ, образомъ, весь процессъ теряетъ нерелективный характеръ который собственно свойственъ лишь одной эмоціональной сторонѣ его. Недостаточное различіе между логическимъ процессомъ, который опредѣляетъ характеръ поступка — т. е. нравственнымъ сужденіемъ и эмоціей, которая слѣдуетъ непосредственно послѣ того» какъ характеръ поступка опредѣленъ нравственнымъ чувствомъ — было причиной преувеличенныхъ эпитетовъ, которые часто приписывались дѣйствию нашихъ нравственныхъ силъ, а также поспѣшности и небрежности людей, когда имъ приходится принимать нравственныя рѣшенія. Но нужно принимать во вниманіе то, что если мы даже и имѣемъ достаточно времени для обдумыванія, то мы не можемъ приложить слишкомъ много усилій при образованіи нашего критерія поведенія, ибо всегда есть возможность ошибиться въ нашихъ сужденіяхъ. Но разъ сужденія уже готовы, то мы должны дать просторъ тѣмъ эмоціямъ, которыя они естественно вызываютъ, а затѣмъ развивать въ себѣ сознаніе, вызванное, такъ сказать, одновременно разумомъ и чувствомъ; мы обязаны соединять тщательность и безпристрастіе мышленія съ тонкостію и строгостію чувства. Теперь возникаетъ вопросъ, можно ли результатъ нашихъ нравственныхъ разсужденій — чувство одобренія и неодобренія — объяснить; или оно является высшимъ проявленіемъ нашего ума въ зависимости отъ его устройства.

По-моему, слѣдуетъ признать первое предположеніе. Какіе же классы поступковъ дѣйствуютъ на нравственное чувство одобренія и неодобренія? Это тѣ поступки, которые вызываютъ или пытаются вызвать, преграждаютъ или пытаются преградить путь къ собственному или чужому благу. Далѣе, чувства, слѣдствіемъ которыхъ являются такіе классы поступковъ, считаются чувствами самоуваженія и симпатіи, или эгоистическимъ и альтруистическимъ чувствомъ. Мы представляемъ центръ различныхъ стремленій и желаній, включая и такъ наз. рациональное самолюбіе или желаніе того, что мы считаемъ для самихъ себя высшимъ благомъ, и самоуваженіе или созерцаніе; достоинствъ собственного характера и собственныхъ мнѣній о себѣ же. Когда извѣстныя изъ этихъ различныхъ стремленій или желаній удовлетворены, мы испытываемъ чувство удовлетворенія, и съ другой стороны, когда путь ихъ прегражденъ — испытываемъ чувство неудовлетворенія. Равнымъ образомъ у насъ много стремленій, предметомъ которыхъ являются другіе; люди; одни изъ этихъ стремленій зложелательны или мстительнаго характера, большинство же доброжелательны, включая и желаніе вообще доставить людямъ счастье въ случаяхъ, конечно, возможныхъ. Вслѣдствіе этого мы удовлетворены, когда наши стремленія исполнены, и неудовлетворены, когда ихъ путь прегражденъ. Эти чувства удовлетворенія и неудовлетворенія называются рефлекторными чувствами, такъ какъ въ нихъ отражаются объекты нашихъ желаній, включая сюда и чувство нравственного одобренія и неодобренія. Когда мы, наприкладъ, удовлетворяемъ чувство голода или жажды, любопытства или властолюбія, мы испытываемъ удовлетвореніе, но мы не можемъ сказать, чтобы удовлетвореніе этихъ стремленій или желаній считалось бы чувствомъ нравственного одобренія или неодобренія. Мы совершаемъ тысячи поступковъ и видимъ ежедневно совершеніе тысячъ поступковъ, не вызывающихъ никакого нравственного чувства. Какія же, слѣдовательно, обстоятельства отличаютъ поступки, доставляющіе намъ удовлетвореніе, отъ тѣхъ которые доставляютъ нравственное чувство одобренія?

Я полагаю, что всѣ тѣ поступки, которые вызываютъ опредѣленное нравственное чувство, являются слѣдствіемъ нѣкотораго противорѣчія между различными стремленіями,

желаніями и наклонностями или, пользуясь обыкновеннымъ выраженіемъ, — противорѣчія мотивовъ. Мы ни одобряемъ, ни неодобряемъ поступки, которые либо имѣли малый выборъ, либо совѣмъ его не имѣли, и которые были слѣдствіемъ предшествовавшихъ обстоятельствъ. Трудно понять, какъ мы могли бы хвалить человѣка за справедливо совершенный поступокъ, если-бъ у него не было никакихъ соображеній, побудившихъ его совершить несправедливый поступокъ; съ другой стороны, какъ мы могли бы порицать его за несправедливо совершенный поступокъ, если-бъ у него не было соображеній; побудившихъ поступить справедливо? Если хорошія или дурныя влеченія не представляются важными при возникновеніи дурныхъ или хорошихъ наклонностей, то, по моему, объектомъ нашего порицанія или похвалы должны быть наклонность или характеръ, но не поступокъ, или, иначе говоря, постоянное нравственное состояніе, а не желаніе, непосредственно предшествующее поступку.

Другая характерная черта поступковъ, которые мы хвалимъ или порицаемъ въ случаяхъ, касающихся другихъ людей, или одобряемъ и неодобряемъ въ случаяхъ, касающихся насъ самихъ — повидимому та, что они должны обладать нѣкоторымъ вѣсомъ. Большая часть поступковъ слишкомъ тривіальна, чтобы они могли заслужить какое-либо замѣчаніе, высказываемое нравственнымъ сужденіемъ. Если человѣкъ уступаетъ на улицѣ дорогу другому, или воздерживается отъ излишка ѣды или питья, могущихъ ему повредить, то ни онъ, ни посторонніе не сочтутъ подобный поступокъ за похвальный. Поступокъ этотъ подразумѣвается самъ собой, хотя противоположное поведение, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, можетъ быть подвергнуто критикѣ соотвѣтственно его важности.

Итакъ, мы вывели, что поступки, или объекты нравственного одобренія или неодобренія, должны имѣть нѣкоторый вѣсъ и должны явиться слѣдствіемъ извѣстнаго противорѣчія между различными мотивами. Однако-жъ, мы не пытались еще найти извѣстный принципъ различія между поступками, являющимися, съ одной стороны, объектами похвалы или одобренія, и съ другой стороны—объектами критики или неодобренія. Такой принципъ, по моему, найдемъ въ томъ фактѣ, что всѣ тѣ поступки другихъ, которые мы хвалимъ, или наши собственные поступки, которые, по нѣкоторомъ размысленіи, одобряемъ, заключаютъ въ себѣ извѣстную жертву; далѣе, всѣ тѣ поступки другихъ, которые мы порицаемъ, или наши собственные поступки, которые мы не одобряемъ, заключаютъ въ себѣ извѣстное самоугожденіе. Столкновеніе заключается между низшимъ и высшимъ благомъ самого человѣка, или между его личнымъ благомъ и большимъ благомъ другихъ, или, наконецъ, между меньшимъ благомъ, усиленнымъ соображеніями собственнаго интереса или пристрастія кого-либо и большимъ благомъ другихъ, лишеннымъ такого подкрѣпленія; а иногда даже—между удовольствіемъ и пользой другихъ и обидой для себя.

И кто въ этомъ противорѣчіи предпочтетъ первый изъ этихъ мотивовъ, тотъ является объектомъ критики, или, по нѣкоторомъ размысленіи, самоодобренія. Я попытаюсь иллюстрировать это положеніе нѣсколькими примѣрами, взятыми изъ обыденной жизни. Мы хвалили человѣка, который, соблюдая должную бережливость, дѣлаетъ для самого себя запасъ на старость; и мы порицаемъ того, кто такъ не поступаетъ. Оставляя въ сторонѣ всѣ людскія или общественныя соображенія, мы почитаемъ и хвалимъ въ такомъ человѣкѣ способность сдержанія и привычку осторожности, позволяющія ему подчинить свои непосредственныя удовольствія большимъ интересамъ далекаго будущаго, и отказываться отъ чувственныхъ и мимолетныхъ удовольствій съ цѣлью сохранить свое самоуваженіе и самостоятельность въ позднѣйшіе годы жизни. Еще болѣе

мы почитаемъ и хвалимъ его, когда къ этимъ исключительно самосообразительнымъ оображеніямъ онъ присоединяетъ и общественныя соображенія: не оказаться бременемъ для своей семьи, или друзей, или общества. Слѣдуя по такому же пути, мы осуждаемъ другого человѣка, который, не жертвуя своими непосредственными удовольствіями, подвергается опасности потерять свое самоуваженіе и самостоятельность въ дальнѣйшіе годы, равно какъ заставить другихъ страдать, благодаря своей непредусмотрительности. А человѣка, который, при такой бережливости и осторожности, дѣлаетъ запасъ для своей семьи или близкихъ, мы еще болѣе уважаемъ, чѣмъ человѣка, заботящагося только о себѣ, ибо въ данномъ случаѣ жертвованіе мимолетными удовольствіями еще больше; здѣсь даже полное жертвованіе всѣми интересами своего «я» (кромѣ, можетъ быть, самоуваженія и репутаціи) ради другихъ.

Точно такимъ же образомъ человѣкъ, отъ котораго зависитъ семья или близкіе, и который не дѣлаетъ сбереженій на будущее время, не только для себя, но и для нихъ, такой человѣкъ подлежитъ суду болѣе строгому, нежели тотъ, который не дѣлаетъ сбереженій только для себя, ибо его самоугожденіе должно встрѣтиться съ сильными мотивами общества и эгоизма, вслѣдствіе чего и упрямство его непростительно.

Человѣкъ солгалъ, чтобы защитить друга Поступокъ чисто нравственнаго характера, такъ какъ онъ совершенъ не изъ боязни предъ другомъ и не въ ожиданіи награды. Можно сказать, что въ данномъ примѣрѣ стремленіе услужить другу борется съ чувствомъ униженія собственнаго достоинства. Но сознаніе малодушія и подлости, сопутствующихъ ложь, высказанную въ защиту собственныхъ интересовъ лица, наврядъ-ли соединено съ ложью, высказанною въ защиту другого. И съ другой стороны, нѣкоторое размышленіе можетъ показать, что доброжеланіе здѣсь, очевидно, встрѣчается съ весьма обширной и строгой соціальною обязанностью — не уменьшить нашего довѣрія защитѣ другого. Не настаивая на томъ, что въ данномъ случаѣ человѣкъ, который хотѣлъ оправдать нарушеніе справедливости, руководствовался извѣстными обстоятельствами, мы можемъ тѣмъ не менѣе оказать, что въ жизни большинства людей, вѣроятно, нѣтъ ни одного случая, когда, при соблюденіи общаго правила говорить правду, достигнуто было-бы большее общественное благо, чѣмъ при возможности признавать исключенія въ пользу лжи, даже въ томъ случаѣ, когда лгутъ, руководствуясь чисто доброжелательными доводами. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ есть сильное чувство товарищества: въ школѣ, въ коллегіи, въ арміи, во флотѣ — должно этотъ принципъ постоянно выставлять на видъ и подкрѣплять. Частое нарушеніе его въ такихъ случаяхъ прекрасно иллюстрируетъ, какимъ образомъ упомянутые въ первой главѣ законы чести иногда побѣждаютъ болѣе пространное общественное чувство и даже правила личной нравственности. *Esprit de corps*—безъ сомнѣнія, чувство благородное И чувство, рождающее вообще много хорошаго, но когда оно встрѣчается съ болѣе общими правилами нравственности, то его вліяніе — исключительно вредно.

Мой слуга, или другъ, или родственникъ совершилъ кражу. Долженъ ли я его преслѣдовать? Съ общей точки зрѣнія на общественное благосостояніе, я несомнѣнно долженъ это сдѣлать, такъ какъ самая настоятельная обязанность каждаго гражданина — обнаружить и преслѣдовать преступленія. Но въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся съ личными связями, обязанными покровительствовать и защищать. Эти связи, очевидно, должны считаться нѣкоторымъ соображеніемъ препятствующаго характера. Никто не станетъ преслѣдовать своей жены, брата, матери — развѣ въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Вопросъ, стало быть, сводится къ тому, какимъ должно считать это соображеніе по отношенію къ другимъ, принимая во вниманіе, что многое зависитъ отъ степени родства и

прежнихъ связей, отъ количества рода уголивости и т. п. Такое же воздѣйствіе мотивовъ мы видимъ, когда наказаніе должно повлечь за собою гибель осужденнаго, его жены, семьи или другихъ, отъ него зависящихъ. Невозможно въ подобнаго рода случаяхъ выбрать заранѣе нѣкоторыя точныя правила поведенія; къ тому же правильный выборъ зависитъ отъ опытности и честности лица, которое старается его разрѣшить.

Примѣры послѣдняго рода, т. е., когда происходитъ борьба между удовольствіемъ или пользою для другихъ и несоразмѣрнымъ вредомъ для самого себя—сравнительно рѣдки. Не часты также случаи, когда человѣкъ долго колеблется между несомнѣннымъ ущербомъ для себя и неважными выгодами или удовольствіями для своихъ сосѣдей. Послѣдніе случаи не представляютъ для моралиста значительной важности. Можно принять за правило, что мы должны заботиться о самихъ себѣ. Это положеніе подтверждаютъ вообще люди, не довѣряя слишкомъ нашей добротѣ и вѣря въ наше невѣжество и безразсудство. Самый подходящій примѣръ неблагоразумія поступка этого рода, можно видѣть въ той легкости, съ какою иные люди поддаются соблазну общества, когда начинаютъ пьянствовать, держать пари или играть въ карты, зная, что проиграютъ: дѣлается это лишь изъ чувства товарищества;

или другой примѣръ, когда, изъ одного желанія развлечь другихъ, устраиваютъ обѣды, далеко несоразмѣрные со средствами.

Прежде чѣмъ заключить эту главу, нужно сдѣлать нѣсколько возраженій и поясненій. Во-первыхъ, должно возразить, что нравственное чувство имѣетъ мѣсто лишь тамъ, гдѣ происходитъ борьба мотивовъ. Эта принятая мною теорія встрѣчается со взглядомъ, признающимъ поступки добродѣтельнаго или порочнаго поведенія лишенными борьбы и вообще какого-бы то ни было сознанія ихъ важности. Я нисколько не противорѣчу; но въ этомъ случаѣ я полагаю, что наше одобреніе или неодобреніе переносится съ отдѣльныхъ поступковъ на все поведеніе, отъ котораго они происходятъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы хвалимъ или одобряемъ скорѣе характеръ, нежели поступки, или, въ крайнемъ случае, поступки, какъ указатель характера. Что же касается того, что мы хвалимъ или порицаемъ поступки поведенія болѣе чѣмъ тѣ, начало которыхъ лежитъ въ краткомъ побужденіи и предшествовавшемъ размышленіи—то мы въ такомъ случае ассоціируемъ эти поступки съ хорошимъ или дурнымъ характеромъ, который мы считаемъ потенціальнымъ началомъ множества поступковъ подобнаго рода, а стало быть и болѣе важнымъ, нежели отдѣльный поступокъ, опредѣляемый временными причинами.

Теперь является вопросъ, можно ли въ самомъ дѣлѣ считать за общее правило, что похвала другихъ и наше самоодобреніе, по нѣкоторомъ размышленіи, соединяются съ поступками, въ которыхъ наше собственное благо подчиняется больше благу другихъ, какъ-бы незначителенъ былъ перевѣсъ блага послѣднихъ надъ нашимъ собственнымъ? Если мы почти одинаково должны подвергаться риску для спасенія другого, или даже жертвовать своими интересами, чтобы содѣйствовать интересамъ другихъ, то нельзя ли наше поведеніе назвать скорѣе безсмысленнымъ и безсильнымъ, нежели великодушнымъ и бдагороднымъ? Я полагаю, что не всѣ люди отвѣтили бы такъ; лица, нравственное чувство которыхъ развивалось подъ бдагопріятными вліяніями, дали бы другой отвѣтъ. Если человѣкъ, рискуя своею жизнью, спасаетъ другого отъ утопленія; намъ, подвергаясь такому же риску, защищаетъ своего товарища въ битвѣ; или кидается въ пламя, стараясь спасти безпомощныя жертвы,—то чувство зрителей выразится, несомнѣнно, въ уваженіи, а не въ сожалѣніи или презрѣніи. Но люди даютъ отвѣтъ не только по отношенію къ подобнымъ поступкамъ героизма. Много примѣровъ мы найдемъ и въ домашней жизни, на примѣръ,

когда мужчина и женщина жертвуют своими собственными удобствами ради старого, больного и беспомощного близкого; такой поступокъ, навѣрно, вызоветъ въ людяхъ, знакомыхъ съ ихъ нуждами, не презрѣніе къ ихъ слабости, а сочувствіе и уваженіе къ ихъ терпѣнію и самоотверженію.

Въ случаяхъ подобнаго рода, можетъ быть, очень трудно провести границу между слабостью и великодушіемъ,

Послѣдніе примѣры доказали, что не всегда легко бываетъ опредѣлить, гдѣ благо другихъ больше собственного блага. Этого вопроса нельзя рѣшить даже съ математической точностью. Поэтому, должно, по крайней мѣрѣ, оправдать людей, которые, раньше чѣмъ принести въ жертву собственные интересы или удовольствія, желаютъ узнать, будетъ ли благо другихъ, ради которыхъ они жертвуютъ, больше его собственного. Слѣдовательно, между поступками, которые мы хвалимъ за ихъ героизмъ, великодушіе или самоотверженіе, и тѣми, которые осуждаемъ за ихъ подлость, ничтожество, — лежитъ широкая полоса. Никогда не слѣдуетъ забывать, разсуждая о вопросахъ нравственности, что есть масса поступковъ, которыхъ мы не хвалимъ, ни порицаемъ, и которые выдѣляются съ особенной яркостью тамъ, гдѣ происходитъ борьба между собственными интересами человѣка и интересами его сосѣда. Мы хвалимъ великодушіе, осуждаемъ подлость, но между ними еще значительная категорія поступковъ, которые не признаются ни великодушными, ни подлыми. Такого рода нейтральная полоса поступковъ, которыхъ нельзя ни хвалить, ни порицать, существуетъ и въ тѣхъ поступкахъ, которые касаются только насъ самихъ или только другихъ, хотя она, повидимому, въ данномъ случаѣ менѣе значительна, нежели тамъ, гдѣ происходитъ противорѣчіе мотивовъ между чужими и собственными поступками.

Слѣдуетъ также замѣтить, что во всѣхъ обществахъ, особенно въ цивилизованныхъ, существуетъ какой-то средній идеалъ поведенія, который не вызываетъ сознательнаго чувства одобренія; лишь нарушеніе его можетъ возбудить вниманіе и, такимъ образомъ, вызывать неодобреніе. Я не стану хвалить гостя или даже слугу за то, что они не крадутъ моихъ серебряныхъ ложекъ, хотя и обнаружилъ-бы свое негодованіе въ противномъ случаѣ. Можетъ быть и лишне будетъ сказать, что этотъ средній идеалъ измѣняется въ весьма широкихъ предѣлахъ, такъ что доступки воздержанія, которые въ извѣстномъ возрастѣ мѣстѣ или общественномъ кругу, подразумѣваются сами собой и не вызываютъ вниманія, въ другихъ случаяхъ могутъ быть исключительными и служить объектомъ похвалы или порицанія.

Различая случаи, когда наши собственные интересы мы должны подчинять чужимъ интересамъ, или дѣлать добро для другихъ при собственномъ рискѣ или потерѣ, необходимо выяснить результатъ прошлаго и настоящаго вліянія поступковъ; сверхъ того, мы должны найти ихъ общія тенденціи или, иначе говоря, спросить себя, что произойдетъ, если всякій человѣкъ или всѣ люди поступятъ по нашему предположенію. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что богатый человѣкъ, жертвуя сравнительно мало, въ состояніи доставить большое благо своимъ бѣднымъ сосѣдямъ, надрѣливши ихъ извѣстной суммой денегъ. Если я, напримѣръ, имѣю въ годъ десять тысячъ дохода, то почему-бы мнѣ не осчастливить пятьдесятъ бѣдныхъ семействъ, даря каждому по сотнѣ, которая могла-бы быть для нихъ приличнымъ доходомъ? Убытокъ въ пять тысячъ былъ-бы ли для меня лишь сокращеніемъ излишней роскоши, безъ которой я скоро научился-бы обходиться, между тѣмъ какъ для тѣхъ доходъ въ сотню могъ-бы замѣнить нищету и постоянную борьбу — комфортомъ, и покоемъ? Отвѣчаю на это такимъ образомъ: во-первыхъ, я въ